

Научная статья
УДК81'316.772.2
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_56
EDN NHURWW

**О роли эксплицитного молчащего наблюдателя
в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе
терциарной речи**

Владимир Николаевич Бабаян

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
vladimirbabayan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Аннотация. На материале текстов художественных диалогов в триаде с молчащим наблюдателем (МН) анализируется роль последнего в акте коммуникации, влияющего на содержание и форму диалогического дискурса. МН в различной степени воздействует на (не)речевое поведение коммуникантов. Подобная роль МН придает диалогу специфические особенности. На примерах диалогов терциарной речи описан процесс формирования триадного диалога с МН. Приведены диалоги из рассказов А. П. Чехова, выделены отдельные фрагменты реплик активных членов триады (АЧТ), а также авторские ремарки, указывающие на присутствие МН. Данные языковые средства составляют специфику терциарной речи, а также факторы, влияющие на диалог. С появлением МН в диалоге АЧТ может произойти смена темы разговора или общение может прекратиться. Это является индикатором присутствия МН при разговоре АЧТ, его воздействием на терциарную речь. МН влияет на всю коммуникативно-речевую ситуацию в целом. Итак, МН формирует особый тип диалога терциарной речи, триадный диалог который можно выделить как самостоятельный коммуникативный и психологический феномен. Такой диалог характеризуется особым положением в межличностной коммуникации, специфическим уникальным содержанием. Анализ диалогов терциарной речи с МН приводит к выводу о том, что модели триад различаются по своему внутреннему характеру. В триадах каждая из сторон диалога выступает как самостоятельная сторона акта коммуникации. В триадах иногда формируется альянс двух участников против третьего. Альянс может включать как самих АЧТ, так и одного коммуниканта с МН. Выявлены языковые маркеры альянса и роль МН.

Ключевые слова: молчащий наблюдатель; коммуниканты; диалог в триаде; терциарная речь; художественный диалогический дискурс; высказывание; коммуникативно-речевая ситуация

Для цитирования: Бабаян В. Н. О роли эксплицитного молчащего наблюдателя в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе терциарной речи // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 56-68. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_56. <https://elibrary.ru/NHURWW>.

PHILOLOGY

Original article

On the role of the explicit silent bystander in Russian tertiary dialogue discourse in literature

Vladimir N. Babayan

Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of the theory and practice of translation, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
vladimirbabayan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Abstract. The article uses the texts of literary dialogues involving the silent bystander (SB) to analyze the role of the latter in the communication act; SB influences the content and form of dialogic discourse and affects (non)speech behavior of communicators. This role of SB gives the dialogue some specific features. The process of forming a triad dialogue with SB is described on the examples of tertiary speech dialogues. The author uses dialogues from A. P. Chekhov's short stories, and highlights some fragments from the utterances of the active triad members (ATM), as well as the author's remarks indicating the presence of SB. These linguistic means constitute the specifics of tertiary speech, and the factors influencing the dialogue. With the appearance of SBs in the dialogue of ATM, the conversation topic may change or the communication may stop. This is an indicator of the SB present during the conversation, and the impact he has on tertiary speech. SB influences the entire communicative situation. Thus, SB forms a special type of tertiary speech dialogue, the triad dialogue, which can be defined as an independent communicative and psychological phenomenon. Such a dialogue is characterized by a special status in interpersonal communication, by specific unique content. The analysis of tertiary speech dialogues with SBs present leads to the conclusion that the triad models differ in their internal character. In triads, each side of the dialogue acts as an independent side of the communication act. Triads sometimes form an alliance of two participants against the third one. The alliance can include both the ATMs themselves and one communicator with the SB. The linguistic markers of the alliance are identified, as well as the role of the SB.

Key words: silent bystander; interlocutors; a triad dialogue; tertiary speech; literary dialogical discourse; utterance; communicative situation

For citation: Babayan V. N. On the role of the explicit silent bystander in Russian tertiary dialogue discourse in literature. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 56-68. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_56. <https://elibrary.ru/NHURWW>.

Введение

Вслед за В. К. Харченко [Харченко, 2008, с. 93] в данной статье под *терциарной речью* понимается диалог активных членов триады в присутствии молчащего наблюдателя (МН). МН влияет на активных участников диалога (АЧТ), вследствие чего возникает новый вид диалога – диалог в триаде / триадный диалог. Феномен терциарной речи допускает предположить, что, если общающиеся (АЧТ) знают о присутствии третьего лица при их разговоре, они меняют тактику ведения беседы, свое речевое и невербальное поведение. Молчащий наблюдатель (МН) своим присутствием подвергает модификации форму и содержание диалога АЧТ и превращает *диадду* в *триаду*. А речевое произведение, продуцируемое коммуникантами в присутствии МН называется в настоящей работе «**триадным диалогом**» или «**диалогом в триаде**» [Бабаян, 2016, с. 26; Бабаян, 2018, с. 92].

Цель статьи – исследовать коммуникативную роль молчащего наблюдателя в продуцируемом посредством его участия диалоге терциарной речи активных членов триады, описать аспект социальной регуляции деятельности активных и пассивного участников диалогического дискурса терциарной речи и выявить способы и языковые сред-

ства (индикаторы) означивания присутствия молчащей третьей стороны в триадных диалогах на материале русскоязычных художественных диалогов терциарной речи.

По результатам комплексного анализа диалогов терциарной речи можем говорить о том, что взаимоотношения членов триады – двоих АЧТ и МН – разнообразны, что находит свое выражение в динамике тезаурусов коммуникантов (АЧТ) и обращенности (адресованности) / необращенности (неадресованности) их реплик-высказываний или всего диалога к МН.

Методология исследования

Объектом исследования в настоящей работе являются лингвопрагматические особенности диалогического дискурса терциарной речи коммуникантов в присутствии молчащего наблюдателя. Предмет исследования – коммуникативные модели взаимодействия активных членов триады и молчащего наблюдателя, а также языковые средства – индикаторы присутствия МН в триаде.

Материал исследования. Исследование роли молчащего наблюдателя в диалогическом дискурсе терциарной речи проводится на материале текстов диалогов русскоязычных произведений художественной литературы.

Методы исследования. При анализе диалогов терциарной речи использовался *комплексный подход*, который позволил провести исследование текстов англоязычных диалогов коммуникантов (АЧТ) в присутствии молчащего наблюдателя (МН). Применен *метод моделирования, методы анализа и синтеза, обобщения и экстраполяции*. Использован метод дискурс-анализа, коммуникативного, социолингвистического и психолингвистического анализа, а также лингвистического контекстуально-го анализа текста.

Анализ материала

Рассмотрим примеры русскоязычного художественного диалогического дискурса терциарной речи с различной ролью МН, представляющего третью сторону акта коммуникации и влияющего как на содержание, так и на форму диалога в триаде.

Наглядным примером диалогического дискурса терциарной речи является эпизод из рассказа А. П. Чехова «Дачники», где описана ситуация, в которой недавно поженившиеся супруги Саша (АЧТ₁) и Варя (АЧТ₂) говорят друг с другом шепотом и зло, так как их могут услышать родственники (МН), неожиданно приехавшие к ним, как пишет автор, «*денька на три, на четыре*». Далее А. П. Чехов описывает состояние и чувства, которые испытывают оба коммуниканта, АЧТ: «*Увидев дядю с семей-*

ством, супруги пришли в ужас. Пока дядя говорил и целовался, в воображении Саши промелькнула картина: он и жена отдают гостям свои три комнаты, подушки, одеяла; балык, сардины и окрошка съедаются в одну секунду, кузены рвут цветы, проливают чернила, галдят, тетушка целые дни толкует о своей болезни (солитер и боль под ложечкой) и о том, что она урожденная баронесса фон Финтих...» [Чехов, 1986, с. 71-72].

Далее следует разговор супругов в форме диалога: «...*Саша (АЧТ₁ – В. Б.) уже с ненавистью смотрел на свою молодую жену (Варю, АЧТ₂ – В. Б.) и шептал ей:*

1. *Это они (МН. – В. Б.) к тебе приехали... черт бы их побрал!*

2. *Нет, к тебе! – отвечала она, бледная, тоже с ненавистью и со злобой. – Это не мои, а твои родственники!*

И, обернувшись к гостям (МН. – В. Б.), она сказала с приветливой улыбкой:

3. *Милости просим!*

Из-за облака опять выплыла луна. Казалось, она улыбалась; казалось, ей было приятно, что у нее нет родственников. А Саша (АЧТ₁ – В. Б.) отвернулся, чтобы скрыть от гостей свое сердитое, отчаянное лицо, и сказал, придавая голосу радостное, благодушное выражение:

4. *Милости просим! Милости просим, дорогие гости!»* [Чехов, 1986, с. 71-72].

В исследуемом диалоге терциарной речи два коммуниканта и эксплицитный МН, состоящий из нескольких человек, т. е. группы людей, родственников молодой пары. Как видим, оба АЧТ – Саша и Варя – не очень довольны неожиданным приездом к ним родственников, МН («*супруги (АЧТ – В. Б.) пришли в ужас*»). Обращает на себя внимание тот факт, что в начале произведения автор описывает, как счастливы были молодожены, как хорошо им было вместе до приезда родственников, МН: «*Он (Саша, АЧТ₁ – В. Б.) держал ее (Варю, АЧТ₂ – В. Б.) за талию, а она жаслась к нему, и оба были счастливы*», «*Как хорошо нам с тобой живется, Варя, так хорошо, что даже невероятно!*»

Заметим также, что с появлением МН, родственников, отношения супругов друг к другу тоже резко изменились: «*...Саша уже с ненавистью смотрел на свою молодую жену*», «*...она, бледная, тоже с ненавистью и со злобой*».

Однако при всем этом как Варя, так и Саша (АЧТ) стараются не показывать свое истинное негативное отношение к внезапно приехавшим родственникам (МН), в данной ситуации они ведут себя по отношению к гостям по принятым в обществе правилам: «*И, обернувшись к гостям, она (Варя. – В. Б.) сказала с приветливой улыбкой: – Милости просим!*», «*А Саша отвернулся, чтобы скрыть от гостей свое сердитое, отчаянное лицо, и ска-*

зал, придавая голосу радостное, благодушное выражение: – Милости просим! Милости просим, дорогие гости!»

В анализируемом акте коммуникации благодаря МН в лице родственников наблюдаем явный контраст настроений коммуникантов – супругов Саши (АЧТ₁) и его жены Вари (АЧТ₂), крайне противоположный психологический фон всей речевой ситуации и др. Другими словами можем утверждать, что эксплицитный МН в лице гостей способствует и является причиной, поводом возникновения анализируемого речевого произведения, диалога терциарной речи. Кроме того, следует заметить, что коммуниканты, АЧТ, в процессе общения между собой напрямую обращаются к МН, а последние вообще не говорят ничего, то есть остаются эксплицитными МН.

Лингвистический анализ исследуемого диалога в триаде позволяет заметить, что диалог терциарной речи представлен в довольно краткой форме, высказывания-реплики АЧТ представляют *синтаксически простые, лаконичные и экспрессивные конструкции*. Благодаря использованию приведенных языковых средств автору удается достичь эффекта непринужденности и эмоциональности разговора активных членов триады.

В исследуемом диалоге терциарной речи наблюдается альянс обоих активных участников триады – супругов Саши (АЧТ₁) и Вари

(АЧТ₂) – против эксплицитного МН, пассивных участников диалога в лице неожиданно приехавших к ним родственников. Альянс находит свое выражение в негативном отношении обоих коммуникантов (АЧТ) к МН. Подтверждение сказанному находим в авторских ремарках, в репликах-высказываниях

Саши (АЧТ₁) и Вари (АЧТ₂) (выделено в тексте).

Данное речевое общение в триаде с эксплицитным молчащим наблюдателем в лице неожиданно приехавших родственников к Саше (АЧТ₁) с Варей (АЧТ₂) представим следующим образом на рисунке 1:

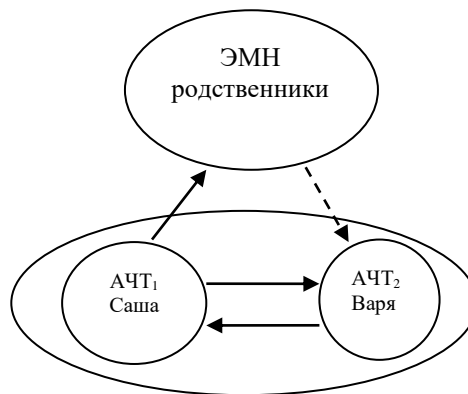

Рис. 1. Схема триады из рассказа «Дачники» А. П. Чехова

В анализируемой коммуникативной ситуации триады можем говорить о влиятельном эксплицитном молчащем наблюдателе (ЭМН), присутствие которого заставляет коммуникантов (АЧТ) модифицировать свое речевое и невербальное поведение. Кроме того, интересен тот факт, что МН представляет собой не одного человека, а группу людей – родственников одного из коммуникантов, Саши (АЧТ₁).

Довольно интересного, на наш взгляд, эксплицитного МН встречаем в рассказе А. П. Чехова «Ведьма», которого можем назвать «условно молчащим МН», по-

скольку этот эксплицитный МН молчит во время разговора обоих коммуникантов (АЧТ). Однако в конце беседы МН вдруг реагирует на услышанное, таким образом превращаясь в еще одного коммуниканта, АЧТ. В анализируемом рассказе А. П. Чехов описывает ситуацию, где в церковной сторожке в присутствии своего мужа дьячка Савелия Гыкина (МН), считавшего свою жену ведьмой, которая «ненастье делает», дьячиха Раиса Ниловна (АЧТ₁) говорит с почтальоном (АЧТ₂), зашедшим к ним погреться в метель:

– *Может, с дороги чаю покушаете?* – спросила дьячиха (АЧТ₁ – В. Б.).

– *Куда тут чаи распивать!* – нахмурился почтальон (АЧТ₂ – В. Б.). – *Надо вот скорее греться да ехать, а то к почтовому поезду опоздаем. Минут десять посидим и поедем. Только вы, сделайте милость, дорогу нам покажите...*

5. *Наказал бог погодой!* – вздохнула дьячиха (АЧТ₁ – В. Б.).

6. *М-да... Вы же сами кто тут будете?*

7. *Мы? Тутошние, при церкви... Мы из духовного звания... **Вон мой муж** (МН. – В. Б.) **лежит! Савелий, встань же, иди поздоровайся!** Тут прежде приход был, а года полтора назад его упразднили. Оно, конечно, когда господа тут жили, то и люди были, стоило приход держать. <...> **Теперь Савелий** (МН. – В. Б.) **защитный и... заместо сторожа. Ему споручено за церковью глядеть...***

*И почтальон (АЧТ₂ – В. Б.) тут же узнал, что если бы Савелий (МН. – В. Б.) поехал к генеральше и выпросил у нее записку к преосвященному, то ему дали бы хорошее место; не идет же он к генеральше потому, что **ленив и боится людей.***

8. *Все-таки мы духовного звания... – добавила дьячиха (АЧТ₁ – В. Б.).*

9. *Чем же вы живете?* – спросил почтальон (АЧТ₂ – В. Б.).

10. *При церкви есть сенокос и огороды. Только нам от этого мало приходится... – вздохнула дьячиха*

(АЧТ₁ – В. Б.). – Дядькинский отец Никодим, завидующие глаза, служит тут на Николу летнего, да на Николу зимнего и за это почти все себе берет. Заступиться некому!

11. ***Врешь!** – прохрипел Савелий. – Отец Никодим святая душа, светильник церкви, а ежели берет, то по уставу!*

12. ***Какой он** (Савелий, МН. – В. Б.) **у тебя сердитый!** – усмехнулся почтальон (АЧТ₂ – В. Б.). – А давно ты замужем?*

13. *С прощенного воскресенья четвертый год пошел. Тут прежде в дьячках мой папенька были, а потом <...> они, чтоб место за мной осталось, поехали в консисторию и попросили, чтоб мне какого-нибудь неженатого дьячка в женихи прислали. Я и вышла.*

***Ага, стало быть, ты** (Савелий, МН. – В. Б.) **одной хлопнушкой двух мух убил!** – сказал почтальон (АЧТ₁ – В. Б.), глядя на спину Савелия (МН. – В. Б.). – **И место получил, и жену взял** [Чехов, 1986, с. 119-128].*

В исследуемом речевом произведении, как видим, все члены триады принимают активное участие в продуцировании диалога. Однако, как отмечалось ранее, если два коммуниканта – дьячиха Раиса Ниловна (АЧТ₁) и почтальон (АЧТ₂) – являются полноправными АЧТ, то третий участник данной триады, дьячок Савелий Гыкин, в начале диалога является эксплицитным МН, к которому сначала обращается его жена: «Савелий, встань же,

иди поздоровайся!», затем к Савелию (МН) обращается и второй коммуникант, почтальон (АЧТ₂): *«Ага, стало быть, ты одной хлопнушкой двух мух убил! – сказал почтальон (АЧТ₂ – В. Б.), глядя на спину Савелия (МН. – В. Б.). – И место получил, и жену взял»*. Далее, как видим, не соглашаясь с тем, что говорит его жена (АЧТ₁), дьячок Савелий Гыкин (МН) сам реагирует на сказанное ею: *«Врешь! <...> Отец Никодим святая душа, светильник церкви, а ежели берет, то по уставу!»*, та-

ким образом, превращаясь в еще одного коммуниканта, АЧТ.

Итак, отличительным признаком данной триады является то, что МН, в присутствии которого два АЧТ ведут разговор, превращается в еще одного АЧТ, поскольку Савелий (МН) выражает свое несогласие с тем, что говорит его жена дьячиха Раиса Ниловна (АЧТ₁).

Схему анализируемого диалога в триаде с эксплицитным МН представим следующим образом на рисунке 2:

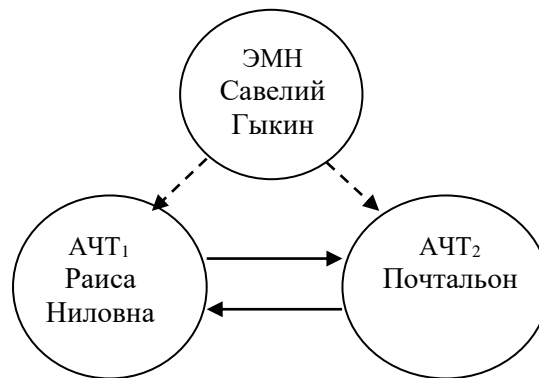

Рис. 2. Схема триады из рассказа «Ведьма» А. П. Чехова

В исследуемом диалоге терциарной речи, как видим, альянс не наблюдается, каждая из сторон триадного диалога – АЧТ₁, АЧТ₂ и МН – выступает в качестве самостоятельного и суверенного участника акта коммуникации.

Диалогический дискурс терциарной речи представляет собой одну из основных форм контактного взаимодействия (общения) коммуникантов (АЧТ) – адресанта и адресата – и представляет собой связ-

ный текст, обусловленный конкретной коммуникативно-речевой ситуацией и обращенный к реципиенту. В настоящей работе исследуется аспект социальной регуляции деятельности партнера по диалогу, социально-психологический и прагматический аспекты диалога терциарной речи.

Считаем необходимым отметить, что в последние десятилетия ученые проявляют интерес к различным аспектам общения [Бабаян,

2016, 2018; Карпенко, 1985; Кузьмина, 1987; Купцов, 2022; Мельникова, 2022; Стернин, 2001; Тюкина, 2021, 2022; Школьник, 1974, 1975]. Общение, по справедливому мнению большинства исследователей, есть взаимный обмен информацией, внутренним психическим содержанием, т. е. это всегда двусторонний процесс [Кузьмина, 1987]. Интерес к проблеме общения ученые связывают с новым подходом, который вытекает из общепсихологической теории деятельности [Асмолов, 1996, с. 535]. Идея этого подхода в том, что «...анализ деятельности и сознания неизбежно приводит от традиционного для эмпирической психологии эгоцентрического, «птолемеевского» понимания человека в пользу понимания «коперниковского», рассматривающего человеческое «Я» как включенное в общую систему взаимосвязи людей в обществе» [Леонтьев, 1975, с. 229]. Личность сама творит себя в деятельности. Общение – «специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [Горелов, 1998, с. 233; Кольцова, 1985, с. 12], оно является условием социализации человека как личности.

Интересно, как коммуниканты регулируют свое речевое и невербальное поведение в процессе акта коммуникации (диалога) в присутствии молчащего наблюдателя (МН). В связи с этим отметим, что в начале 30-х гг. П. К. Анохин го-

ворил о так называемой *саморегуляции поведения* и впоследствии разработал представление о механизме «акцептора действия». Акцептор действия (от лат. *acceptor* – принимающий) – психологический механизм прогнозирования и оценки результатов *действия* в функциональных системах [Анохин, 1978]. В терминах функциональных систем возможно описание природных, общественных и психологических явлений. Из этого следует, что и речевая деятельность подвергается описанию [Белоусов, 2005].

Термин «*саморегуляция поведения*» подразумевает сложную деятельность организма по его адаптации, которая обеспечивает его приспособительный эффект [Лурия, 1963]. Таким образом, можем заключить, что понятие «человек – *саморегулирующаяся система*», введенное П. К. Анохиным, может иметь более широкое применение.

Так, психолингвистика изучает речь как деятельность одного человека, производящего высказывания-реплики, и другого – партнера по общению – как пассивного получателя сообщения (речи). Однако речевое общение представляет главным образом социальное взаимодействие. В речевом общении различают *социальное взаимодействие* партнеров по диалогу и *речевую коммуникацию*. Социальное взаимодействие – это активность коммуникантов по регуляции и координации их совместного взаимодействия.

Ориентация в партнере по диалогу и в конкретной коммуникативно-речевой ситуации особенно на начальном этапе акта коммуникации осуществляется при помощи *языковых, паралингвистических, кинесических, проксемических средств*. Для ориентации в адресате в процессе общения служит система обращений. Система обращений предназначена для установления социальных отношений между членами конкретного акта коммуникации. Однако отметим, что для носителей разных языков система обращений национально специфична.

Ориентация в партнере по диалогу осуществляется по статусу собеседника (полу, возрасту, национальной принадлежности, образованию, профессии), что обуславливает выбор языка и выбор языкового кода в процессе акта коммуникации. В процессе общения участники диалога могут эксплицитно и имплицитно указывать партнеру по диалогу на знаки своего статуса, могут корректировать гипотезы о социальных характеристиках друг друга [Бодалев, 1970; Школьник, 1974, 1975] и продолжать диалогическое общение с учетом предпринятой коррекции.

Выводы

Итак, можем заключить, что общение представляет собой такое социальное взаимодействие, слож-

ный коммуникативный феномен, в процессе которого наиболее четко и полно проявляется человек, когда он постоянно ориентируется на адресата и присутствующего при их разговоре молчащего третьего лица и в соответствии с их реакцией модифицирует свое поведение. Молчащий наблюдатель, представляя собой значительный и неотъемлемый компонент определенного диалога терциарной речи, в различной степени воздействует на процесс коммуникативного акта. Молчащий наблюдатель (МН) своим присутствием при разговоре коммуникантов (АЧТ) придает триадному диалогу терциарной речи особые, присущие только диалогу в триаде, характеристики, фактом своего присутствия при разговоре коммуникантов (АЧТ) молчащий наблюдатель модифицирует содержание и форму диалога. Поэтому считаем неправомерным не учитывать присутствие молчащего наблюдателя (МН) при двустороннем акте коммуникации. Учет роли третьего пассивного участника при анализе триадного диалога дает возможность получить новые знания о различных аспектах диалога терциарной речи, представляет исключительно новый подход в теории диалога и более объективный взгляд на суть диалога терциарной речи в присутствии молчащего наблюдателя (МН).

Библиографический список

1. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. Избр. труды. Москва : Наука, 1978. 400 с.
2. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. Москва-Воронеж : МОДЭК, 1996. 768 с.
3. Бабаян В. Н. Психолингвистические особенности диалогического дискурса терциарной речи в присутствии эксплицитного молчащего третьего лица // Иностранные языки в высшей школе : научный журнал. 2016. Вып. 4 (39). С. 25–33.
4. Бабаян В. Н. Молчащий наблюдатель как неотъемлемый участник в диалогическом дискурсе терциарной речи // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 91-96.
5. Белоусов К. И. Введение в экспериментальную лингвистику / К. И. Белоусов, Н. А. Блазнова. Москва : Флинта : Наука, 2005. 136 с.
6. Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1970. 199 с.
7. Горелов И. Н. Коммуникация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева 2-е изд. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 233.
8. Коллектив. Личность. Общение: Словарь социально-психологических понятий / Под ред. Е. С. Кузьмина и В. Е. Семенова. Ленинград : Лениздат, 1987. 144 с.
9. Кольцова В. А. Разработка психологических проблем общения в трудах В. М. Бехтерева // Психологические исследования общения. Москва : Наука, 1985. С. 6-24.
10. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Москва : Политиздат, 1985. 431 с.
11. Купцов А. Е. Дискурсивные частицы в художественном тексте: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 183 с.
12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва : Политиздат, 1975. 304 с.
13. Лурия А. Р. Мозг и психические процессы. Москва : Педагогика, 1963. 496 с.
14. Мельникова К. А. Различные типы дискурса в современном языкознании: монография / К. А. Мельникова, Л. А. Тюкина. Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2022. 160 с.
15. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2001. 252 с.
16. Тюкина Л. А. Юмористический диалогический дискурс в современном языкознании: определение и основные характеристики // Казанская наука. 2021. № 3. С. 120-124.
17. Тюкина Л. А. Юмор в педагогическом диалогическом дискурсе // Язык и общество. Диалог культур и традиций : сборник материалов научной конференции, Ярославль, 01–31 марта 2022 года. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. С. 92-101.
18. Харченко В. К. «Белые пятна» на карте современной лингвистики: книга рисков. Москва : Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2008. 168 с.

19. Чехов А. П. Дачники // Избранные сочинения в двух томах. Том первый. Москва : Художественная литература, 1986. С. 71-72.
20. Чехов А. П. Ведьма // Избранные сочинения в двух томах. Том первый. Москва : «Художественная литература», 1986. С. 119-128.
21. Школьник Л. С. Место речевого социального символизма в системе социальной регуляции поведения коммуникантов // Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем). Москва : ИЯ АН СССР, 1974. С. 47-55.
22. Школьник Л. С. Социальный символизм и педагогическая техника // Воспитание, обучение и развитие школьников : сборник научных трудов. Москва : НИИ ОП, 1975. С. 97.

Reference list

1. Anohin P. K. Filosofskie aspekty teorii funkcional'noj sistemy. Izbr. trudy.= Philosophical aspects of the functional system theory. Selected works. Moskva : Nauka, 1978. 400 s.
2. Asmolov A. G. Kul'turno-istoricheskaja psihologija i konstruirovanie mirov. = Cultural-historical psychology and the construction of worlds. Moskva-Voronezh : MODJeK, 1996. 768 s.
3. Babajan V. N. Psiholingvisticheskie osobennosti dialogicheskogo diskursa terciarnoj rechi v prisutstvii jeksplicitnogo molchashhego tret'ego lica = Psycholinguistic specifics of dialogic discourse in tertiary speech in the presence of an explicit silent third party // Inostrannye jazyki v vysshej shkole : nauchnyj zhurnal. 2016. Vyp. 4 (39). S. 25-33.
4. Babajan V. N. Molchashhij nabljudatel' kak neot#emlemyj uchastnik v dialogicheskom diskurse terciarnoj rechi = The silent observer as an integral participant in tertiary dialogic discourse // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 1. S. 91-96.
5. Belousov K. I. Vvedenie v jeksperimental'nuju lingvistiku = Introduction to experimental linguistics / K. I. Belousov, N. A. Blaznova. Moskva : Flinta : Nauka, 2005. 136 s.
6. Bodalev A. A. Vosprijatie cheloveka chelovekom = A perception of man by man. Leningrad : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1970. 199 s.
7. Gorelov I. N. Kommunikacija = Communication // Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V. N. Jarceva 2-e izd. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. S. 233.
8. Kollektiv. Lichnost'. Obshhenie: Slovar' social'no-psihologicheskikh ponjatij = Group. Personality. Communication: Dictionary of socio-psychological concepts / pod red. E. S. Kuz'mina i V. E. Semenova. Leningrad : Lenizdat, 1987. 144 s.
9. Kol'cova V. A. Razrabotka psihologicheskikh problem obshhenija v trudah V. M. Behtereva = Developing psychological problems of communication in the works of V. M. Bekhterev // Psihologicheskie issledovanija obshhenija. Moskva : Nauka, 1985. S. 6-24.
10. Kratkij psihologicheskij slovar' = Concise dictionary of psychology / sost. L. A. Karpenko; Pod obshh. red. A. V. Petrovskogo, M. G. Jaroshevskogo. Moskva : Politizdat, 1985. 431 s.

11. Kupcov A. E. Diskursivnye chasticy v hudozhestvennom tekste: kommunikativno-pragmaticheskij i lingvokul'turnyj aspekty = Discursive particles in a literary text: communicative-pragmatic and linguocultural aspects . Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 183 s.
12. Leont'ev A. N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' = Activity. Mind. Personality. Moskva : Politizdat, 1975. 304 s.
13. Lurija A. R. Mozg i psihicheskie processy = Brain and psychic processes. Moskva : Pedagogika, 1963. 496 s.
14. Mel'nikova K. A. Razlichnye tipy diskursa v sovremennom jazykoznanii = Different types of discourse in modern linguistics : monografija / K. A. Mel'nikova, L. A. Tjukina. Jaroslavl' : Izd-vo JaGTU, 2022. 160 s.
15. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdejstvie = Introduction to speech impact. Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. 252 s.
16. Tjukina L. A. Jumoristicheskij dialogicheskij diskurs v sovremennom jazykoznanii: opredelenie i osnovnye harakteristiki = Humorous dialogic discourse in modern linguistics: definition and main characteristics // Kazanskaja nauka. 2021. № 3. S. 120-124.
17. Tjukina L. A. Jumor v pedagogicheskom dialogicheskom diskurse = Humor in pedagogical dialogic discourse // Jazyk i obshhestvo. Dialog kul'tur i tradicii : sbornik materialov nauchnoj konferencii, Jaroslavl', 01–31 marta 2022 goda. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2022. S. 92-101.
18. Harchenko V. K. «Belye pjatna» na karte sovremennoj lingvistiki: kniga riskov = “White spots” on the map of modern linguistics: a book of risks. Moskva : Izd-vo Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo, 2008. 168 s.
19. Chehov A. P. Dachniki = Dacha residents // Izbrannye sochinenija v dvuh tomah. Tom pervyj. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986. S. 71-72.
20. Chehov A. P. Ved'ma = The witch // Izbrannye sochinenija v dvuh tomah. Tom pervyj. Moskva : «Hudozhestvennaja literatura», 1986. S. 119-128.
21. Shkol'nik L. S. Mesto rechevogo social'nogo simbolizma v sisteme social'noj reguljaccii povedenija kommunikantov = The place of speech social symbolism in the system of social regulation of communicators' behavior // Aspekty lingvisticheskogo analiza (na materiale jazykov raznyh sistem). Moskva : IJa AN SSSR, 1974. S. 47-55.
22. Shkol'nik L. S. Social'nyj simbolizm i pedagogicheskaja tehnika = Social symbolism and pedagogical technique // Vospitanie, obuchenie i razvitie shkol'nikov : sbornik nauchnyh trudov. Moskva : NII OP, 1975. S. 97.

Статья поступила в редакцию 23.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.
The article was submitted on 23.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023